

Одни встречаются для того, чтобы жить вместе долго и счастливо, другие для того, чтобы встретиться и всю остальную жизнь пронести в сердце своей любовью и памятью о любви. А кто-то приклевывается к жизни поэт поводом для рифмованных строк.

В уже довольно лёгком 1936 году поэт Марианна Цветаева была 44 года, поэту Анатолию Штейгеру 29. Цветаева уже добилась известности, Штейгер издал три книги – «Этот день» (Paris, 1928), «Эта жизнь» (Paris, 1931) и «Небольшая годовщина» (Paris, 1936), но к знаменитостям себя не причислял. Они встретились на творческом вечере Марианны, Анатолий не помнил о том, что они уже виделись четыре года

назад, и тогда он подарил ей книгу. Цветаева тогда даже не вспомнила его лица, взяла, поблагодарила, когда вернулся с домом, открыл и... бегом пролистал. Потом он ждал, что он вот-вот появится узнать её мнение, но Штейгер, как в воду канул, зато вдруг пришло письмо от его сестры. «Письмо было отчаянное: он мне когда-то обещал, вернее, я у него попросил – немецкую книгу – не смог – и вот, годы спустя – об этом письме – и это письмо – вопль. Я сразу ответил – отозвался всей собой. [...] Он – туберкулёзный, довольно и серьёзно болен – ему 26 или 27 лет»¹. И вот их вторая встреча. Кривоногий, пышущий здоровьем и ещё не остывшим зрением, – современники рассказывали, что Цветаева вдохновенно читала свои стихи, – он с мертвенно белым лицом

Анатолий Штейгер в центре

¹ Цветаева в письме к Анне Тесковой (1936 г.)

и сияющими гл з ми ч хоточного больного. Контр ст. Он т к и з помнил : чернот и белизн . И ещё серебро...

Он з мужем с двумя детьми, был ещё одн – м люток Ирочк , котор я умерл в 1917 г. от голод в возр сте 3-х лет в приюте в Кунцево. Он не жен т и нед вно р сст лся с любимой девушкой. «Усугублялось всё тем, что он сейч с после полной личной к т – строфы – кого-то любил, кто-то бросил (больного!) – и только об этом и дум ет и пишет (в стих х и в письм х). Мне пок з лось, что ему от моей устремлённости – к к будто – лучше, что – ожив ет, что – м. б. – выживет – и физически и нр вственно...»².

Н Руси долгое время не прижив лось слово «любовь» бытов ло «ж лость». Любить по-русски – это ж леть. Любить поэт – тяжкий крест, откровение и восторг. Любить смертельно больного поэт , уже почти не прин длеж вшего этому миру, стоявшему к к бы н гр ни, н лезвии... Вот М рин и бросил сь в новые отношения, в новый ром н, к к в воду с обрыв . Н с мом деле и отношения и ром н были чисто эпистолярными, т к строк з строкой, ложились н лист слов любви и утешения. Цвет ев – истинный пис тель, её призв ние переводить чувств в слов , мир земной – в мир небесный. Друг я кинул сь бы обив ть пороги вр чей, пыт л сь дост ть лек рств , дежурил бы в п л те и держ л з руку. Цвет ев пис л длинные по несколько стр ниц письма , и Штейгер отвеч л ей, излив я н бум гу всю свою душу. Он зн л, что умрёт, и потому исповедов лся, не священнику, но священной. Не церкви, той, в чьих стих х видел божественное.

М рин родил сь в семье профессор Московского университет , известного филолог , искусствовед Ив н Вл димирович и пи нистики М рии Мейн. В их доме звуч л музык и говорили о литер туре. Ан толий происходил из ст ринного швейц рско-го б ронского род . Отец – Сергей Эду рдович Штейгер предводитель дворянств К невского уезд . У них в доме чтили историю и р згов рив ли о политике. Согл сно семейной летописи, предок Никол ус Фридрих Штейгер (1729–1799), служил бургомистром Берн , когд Бон п рт вторгся в стр ну, Никол ус возгл вил борьбу з нез висимость. В п мяти о его з слуг х перед родиной бл – год рные согр жд не пост вили ему п мятник в Бернском соборе.

Мы очень м ло зн ем о недолгой жизни Штейгер , в литер туре он з помнился в основном к к один из предст вителей т к н – зыв емой «П рижской ноты» – литер турного течения в поэзии Русского З рубежья, существов вшего в середине 1930-х годов.

² Т м же.

Во многом он продвиг лся бл год ря ст р ниям своей сестры поэтессы Аллы Головиной³. Почти все его письм к Цвет евой проп ли вместе с утерянными документ ми М рины Ив новны, что д ёт н м н дежду, что р но или поздно они ещё проявятся где-нибудь. Пок же я бы хотел сост вить портрет Ан толия Штейгер 1936 год , отт лжив ясь от писем Цвет евой, в которых ясно проступ ют его черты.

Обычно, р ссм трив я любовную лирику, мы говорим о творце и музе, имея в виду, что творец мужчин , муз женщин . Блоковск я незн комк , Бетховенск я т йн я возлюбленн я, все эти бесконечные NN... История любви М рины Цвет евой и Ан толия Штейгер – история творц и его музыки, где творцом выступ ет М рин , его мистическим возлюбленным Ан толий. Если бы все его письм сохр нились, история обрел бы второе дых ние, и сейч с мы, возможно, р ссм трив ли бы высоч йшее произведение двух гениев русской литер туры, встретившихся р ди рождения этого шедевр . Вполне возможно Цвет ев н столько генильн , что отт лжив л сь почти от пустоты, что ходил по вод м, к к посуху, и держ л сь крепостью дух и силой небес. Теперь мы можем только г д ть, додумыв я, дописыв я истории, р сск з нные своей божественной возлюбленной рыц рем Штейгером.

Его первое письмо-исповедь н шестн дц ти стр ниц х произвело колосс льное впеч тление н Цвет еву. Теперь ей ст ли более понятны стихи из его книги «Эт жизнь», которую он под рил ей при первой встрече, н пис в н титуле: «М рине Ив новне Цвет евой, великому поэту. От глубоко пред нного А. Штейгер , 1932». Н полях рукой М рины помечено «хр нить».

«...в первом же моём письме н 16 стр ниц х – пост р лся В мск з ть о себе всё, ничем не приукр шив ясь, чтобы Вы ср зу зн ли, с кем имеете дело, и чтобы В с изб вить от иллюзии и в будущем – от боли», – пис л он ей.

«Уже привяз вшись к нему – обеща л пис ть ему к ждый день – пок в госпит ль, госпит ль з тянулся, д к к следует и не кончился – госпит ль – с н тория – невелик р зниц . А он уже – привык (получ ть) – и мне было жутко дум ть, что он будет – жд ть»⁴.

И т к – к ждый день, и не отписки, большие письм , трудные, по существу: о болезни, о пис нии, о жизни – всё сызнов :

³ Алл Сергеевн Головин (урожд. б ронесс Штейгер, во втором бр ке де Пелиши (1909 , с. Никол евк Черк сского уезд Киевской губернии –1987, Брюссель) — русск я поэтесс «первой волны» эмигр ции.

⁴ См. сноску 1.

для д нного (трудного!) случ я. В эмигр ции Цвет евой живётся нелегко. «Никто не может вообр зить бедности, в которой мы живём. Мой единственный доход – от того, что я пишу. Мой муж болен и не может р бот ть. Моя дочь з р б тыв ет гроши, вышив я шляпки. У меня есть сын, ему восемь лет. Мы вчетвером живём н эти деньги. Другими слов ми, мы медленно умираем от голод »⁵. Из всех доступных ей в это время удовольствий, посещения литер турных вечеров и чтение, з пойное чтение сборников стихов, которые уд ётся беспл тно получить в библиотеке или одолжить у друзей. Книг поэт Штейгер – н стольн я книг Цвет евой.

Что в ней ник ких особенных откровений, многие стихи почти детские, простые до н ивности, но, должно быть, легли они н душу Цвет евой, поэтому он и перечитыв л , потом пис л ему и н последние гроши отпр влял письм к ждый день. О том, что стихи сл бенькие, Цвет ев поним ет, он не ослеплен любовью н столько, чтобы н зв ть чёрное белым, посредственное генильным. «Почему В ши письм н столько лучше В ших стихов? Почему в письм х Вы бог тый (сильный), в стих х – бедный. Точно Вы н рочно изгоняете из своих стихов всего себя, всё свое своеобр зие – хотя бы своей беды, чтобы д ть вообще – беду, обшую беду: бедность».

*Неужели сентябрь? Неужели начнётся опять
Эта острая грусть, и дожди, и на улице слякоть...
Вечера без огня... Ведь нельзя постоянно читать.
Неужели опять, чуть стемнело, ничком на кровать –
Чтобы больше не думать, не слышать и вдруг не заплакать.*

Теперь он живёт в туберкулёзном с н тории и ждёт смерти. Цвет ев т ки предст вляет его себе в голубой руб шке (п мять о событиях в Ницце, связ нных с его предком, в своих стих х он то и дело возвр щ ется к голубой руб шке). Зд ние с н тория, р зумеется, белое, н измождённой болезнью руке избр нник серебряный перстень, возможно под рок неверной возлюбленной или зн к т йного обществ . Ром нтический облик, впрочем, Цвет ев грешит только в мыслях, из голодной и холодной рельности созд ёт свой иде льный мир и ныряет в него, поп д я в волшебную стр ну, где ждет её т инственный, нет, не принц, это было бы пошло и совсем не по-цвет евски, её ждёт поэт! «У В с н руке перстень – по белизне блеск – серебряный – чей? Что – н нём – з ним в нём?» – ревниво интересуется М рин , и потом

⁵ Из воспомин ний М рины Цвет евой

здесь же – «... к к не обнять? Всего В с со всем внутри имеющим-ся: с В шим безмерным сердцем – и недост точными лёгкими, ибо предупред ю: мне в (... «т ком к к Вы» – В м будет холодно, «в В с» – не поверите) – в н с всё дорого, вплоть до ущербов, и недост точные лёгкие – не меньше – избыточного сердц – и если я ск з л м ть – то потому, что это слово с мое вмещ ющее и обни-м ющее, с мое обширное и подробное, и – ничего не изым ющее. Слово, перед которым все, все другие слов – гр ницы».

Вот т к, почти шифровк для непосвящённых, но, имеющие ключ, д поймут. Любовь – понятие безусловное, поэтому М рин и пишет, что ей в нём всё дорого, вплоть до физических недост т-ков. В этом и других своих письм х ср внив ет его с ребёнком, себя с м терью, потому что м ть всё поймет и примет любим.

«И хотите Вы или нет, я В с уже взял туд внутрь, куд беру всё любимое, не успев р ссмотреть, видя уже внутри. Вы – мой з хв т и улов, к к сегодняшний ост ток римского ви дук с бьющей сквозь него з рею, который окунул внутрь вернее и вечнее, чем рек Loing, в которую он вечно глядится. Это мой з хв т – не иной. (В жизни, я, может быть, никогда не возьму В шей руки, котор я – вижу – будет от меня в пол ршине р сстояния, вполне достижим , т к же достижим , к к мунштук, который непрерывно беру в рот. Взять вещь – призн ть, что он вне тебя, и не “призн ть”, тем с мым жестом – изъять: переместить в р зряд внешних вещей. С этой руки-то все р сст в ния и н чин ются. Но, зн я это, может быть всё-т ки возьму – потому что, к к же ин че д ть?... хотя бы – почувствов ть). К к хорошо ск з но, пок мы не дотронулись до чего-то это н ше, к к только дотронулись, призн ли, что оно не ч сть н с – следов тельно, потеряли.

«И н перёд В м говорю – к ким бы Вы ни были, когд войдёте в мою дверь, – я всё р вно В с буду любить, потому что уже люблю, потому что – уже случилось т кое чудо – и дело только в степени боли – и чем лучше Вы будете – тем хуже будет – мне. Я – годы – по-моему, уже восемь лет – живу в бсолютном р внодушии, т.е. очень любя того и другого и третьего, дел я для них всё, что могу, потому что н до же, чтобы кто-нибудь дел л, но без всякой личной р дости – и боли: уезж ют в Россию – провож ю, приходят в гости – угощ ю. Вы своим письмом пробили мою ледяную коросту, под которой ср зу ок з л сь моя родн я жив я бездн – куд ср зу и с головой пров лились – Вы».

Русск я литер тур зн ет много примеров любовных писем, но письмо Цвет евой – это сплошн я поэзия, гл вный герой и

вдохновитель Ан толий Штейгер. Может быть, и к лучшему, что они не жили вместе, не делили ложе и скудный обед, не считали вместе последние гроши, не ругались из-за невымытой посуды, просто летели в эмпиреях, и ром у них остался в письмах и стихах.

Нужное, мы бы и были поэт Штейгер, если бы не этот взрыв сверхновой любви, если бы не этот переписка. В 1936 году Цветаева создает цикл «Стихи сироте», все стихи которого посвящены её тайному возлюбленному Штейгеру. Письма идут один за другим, Цветаева ждёт, словно девочку, только что выпущенную из института благородных девиц, ждёт почты и огорчается, если очередное письмо всё ещё не пришло. Тайный любимый, чем дольше он отсутствует в стране воображения, тем дольше он сможет писать о нём, писать ему, про него и в него. Слова слетают с пера, Цветаева почти задыхается, не успевая записывать откровения любви. Она и мечтает о встрече и не желает её, потому что знает: плотское убьёт духовное «Это – им приходит в пах, – отвечает она резко и мечтательно Штейгер, – нам – только в душу, и не приходит – было всегда. Знайте одно: когда душа есть, она – всё: нет души – нет, и никого отдельного паха нет: это для докторов есть: «рассеивание», мы – всегда в душу».

И тут же, словно позависев с чего-то, он излагает фористичное: «Не забудьте, что мнящаяся нам невозможность вещи – первая примет её естественности, с моим собой – разумности – в мире ином. Ведь все мы удивлены, что нельзя ходить по морю: у моря есть – и ноги есть. И когда Христос идёт по воде – мы сразу узнаём – и успокаиваемся. Как сразу, во сне, узнаём упругость (держательную способность) воздуха. И разве, сейчас, не естественно – что я Вам пишу – что пишу? Разве не чудовищно было бы – мне (будучи мной) и Вам письмо отозваться – иначе? Разве не то было бы – чудо (гнусное)».

Как непохоже это письмо на всё то, что мы сегодня называем письмами, Цветаева говорит о духовном мире, который более понятен её волшебному другу, другу изграницью. Её душа истосковалась по нестоящему, по горнему миру, потому и явившийся ей поэт мнится предстателем высших сфер. Она не может пропустить возможности общения с ним.

Говорят, художник должен быть голодным. Что-то в этом есть. Не стоящие романтики просто неспособны жить в нормальных человеческих условиях, в комфорте и достатке. Для вдохновения им нужны трудности и лишения, нужны декорации нестоящей трагедии, потому как – чего стоит любовь без трагедии? Летом

1930 год Цвет ев обн ружил з мок д'Арсин в Верхней С войне (Фр нция). Сн ч л он смотрел н з мок, в котором отдых ли лежился её муж С.Я. Эфрон, со стороны деревни, где ей уд лось снять комн ту. В з мке был р сположен с н торий, и в свой первый приезд М рин могл лишь з глядыв ть туд в ч сы посещения. Но в 1936 году он поселил съ в с мом з мке. «Я в С войне – мы с Муром (с сыном – Ю. А.) в н стоящем феод льном з мке – XIII век , для меня, к сож лению, слишком приспособленном к человеческому обр зу жизни – есть и вод , и электричество и – увы – мебель, хотя и не нов я, но – явно – не то – но я з бр л съ н черд к, в никем не оценённую комн ту – вроде пещеры, с крохотным оконцем пробитым во всей толще стенки – с к менным полом en pierre detaille (из тёс ного к мя – фр.) – и здесь бл женствую, т.е. пишу все утр !»⁶.

«Мы от нетерпения (у души – свои сроки) опереж ем н стоящего п ртнёра и кид емся к любому, внуш я ему быть – любимым. З метьте, кст ти, к кие мы не-с-теми (с не-теми!) – ж лкие: ни н что не похожие, нелепые, уроды к кие-то... Когд Вы себе с другим перест ёте нр виться (хотите «испр виться» – или р звр титься) – уходите от него, потому что он В м – яд.

Будьте только с тем, кто В ше с моощущение повыш ет, подтвержд ет (– Зн чит: будь один? – Д , зн чит – будь один. – Нет, зн чит – будь со мною.)».

После одного из его писем, он видит сон, в котором «...Я был оз бочен В шей светящейся белизной среди других з горелых лиц, В ше лицо сверк ло, к к серебро, и по этому сверк нию (я и во сне близорук) я В с узн в л . З мок тот – в гор х, и оттуд мне ещё легче будет с В ми дружить. (З мок очень тёмный, весь в елях, – оттого В ше лицо т к и сверк ло)».

А, меж тем, жизнь Ан толия – сплошной госпит ль, д м сердц пишет о мистической любви, и к к р з в этот момент вр чи н зн ч ют ему опер цию н лёгких: «...сложн я опер ция – туберкулезн я опухоль – н днях режут – может – з режут...».

Что это, груб я попытк шутить или жел ние испуг ть? У Цвет евой всё от противного, её, чем сильнее испуг ешь, тем он будет сильнее пережив ть и любить. Любовь от ж лости, тут ещё и стр х. М рин всё понял : «Если это созн тельно, т.е. – чтобы сдел ть мне больно, т.е. – чтобы я больше В с любил – дружочек, мне всё р вно уже больно, и не з будьте, что я всегд всё обск кив ю:... тот поезд, н который – все оп здыв ют!». Д , сложно любить н стоящего поэт , поэт впереди всего и вся. Простые люди

з ним не успевают даже движением глаз. «Но есть животная боль, тревожащая жизнь, — тот элемент, перед которым я бессильна, ибо не я режу, и не меня режут — и если Вы этот элемент хотели в меня всаждать. Если же бессознательно — то опять-таки Вы моего отношения недооцениваете, — для меня это не может быть простой (хотя бы очень волнующей) новостью».

Писем нет, Марин не ходит себе мест, пишет стихи любимому, часами смотрит в одну точку. Между ними всего 25 миль, но он не ходит в себе сил их преодолеть и явиться к той своей больнице, где, возможно, её никто не ждёт. Когда, уже позже, 19 августа он назначает для них встречу, то тут же сталкивается с целой стеной всевозможных препятствий: ехать нужно на машине; одной — дорого, в Женеву ездят компанией и платят вдвоём, к тому же, из-за отсутствия необходимых документов он не может получить визу. Если её даже пропустят за границу, нужно расплатиться за всё так, чтобы сразу сесть на поезд, добравшись до больницы, побыть там час или два, и снова тем же путём домой. Трудно.

И тут же перед ней выростает новая стена. «Ещё одно: я совершенно не ориентируюсь (ни даже в доме), это у меня — болезнь, я сразу теряю направление, верней, отродясь его не имел — никого — ни нас», и ещё одно. «Я ведь Вас, конечно, вplane не узнаю 1) поэтому что я близорук, больниц не те, чтобы посмотреть в лорнет 2) поэтому что я Вас вообще не знаю: лиц помню, только выучив наизусть. Что помню: чернота и белизна (тхво́я и то серебро), во сне я бы Вас сразу узнала, но — в жизни...». Кажется, что она сама назначает выстроить стену между собой и им, зачем? Может, чтобы не расставаться или не расставаться? Цветёв — первым делом писатель, и создать гениальный текст для неё проще и естественнее чем подняться и куда-то поехать.

Но вот, наконец, 1 августа приходит первое письмо после операции: «Первый ответный вид Вашего письма: удар в сердце — и ком в горле, и пока я письмо (как куртку) вскрывала — ком рос, когда дело дошло до вид букв — глаза уже были закрыты, когда я, прижав к себе — или себе — подождать — прочёл и дочёл — я уже ничего не видел — и всё плыло. И я сама плыву сейчас, вместе с глазами и буквами. (Описывая, как к Марсе — или даже — Сатурн — но это сомнительно — так редко, так никогда). Мой родной, ведь это тоже был — операция, вскрытие письма было вскрытиенутри, и я так же честно и точно в своём описании, как Вы — в своём — и я тоже больше сегодня ничего не пишу Вам, кроме Любящая Вас Мария».

«Вскрытие писем, к вскрытию внутри» – не в жно д же, что он н пис л: ещё н конверте он з метил зн комый почерк, и всё поплыло, р змыв я гр ницы. Через две недели он получ ет большое подробное письмо, и, должно быть, по неровному почерку дог дыв ется, что процесс выздоровления идёт медленно. «... умоляю не пис ть, если трудно – и умоляю н пис ть, если можно». Тогда же н своём черд ке он н ходит ст рую фотогр фию предст вительного мужчины, н обороте н дпись «фотогр фия С. Штейгер (отц Ан толия) – совп дение или зн к?

Жел я р звлечь своего друг , Цвет ев присыл ет ему фотогр фии Петербург , н деясь, что тот узн ет зн комые мест . В одном из писем Ан толий сообщил, что жил в Питере три зимы. «– Не удивляйтесь гиг нтскости моего ш г к В м: у меня нет другого. Вы тоже человек одной ночи – одного взгляд – и целой жизни тоски – Sehnsucht (стр стное жел ние, томление, нем. – Ю.А.) – оборот н . (Потом этих взглядов ст новится много, но к ждый – нож.) Вы тоже ср зу хотите не-жить, чтобы не было ни потом, ни д льше. (Продолжения не будет.) Сколько бы мы р з уже умир ли, если бы боги н с слуш лись! ... Душ (когд он есть: её нет – никогда) рожд ется готов я, не рожд ется – продолж ется – со всем грузом бессозн тельной и бесполезной п мяти. Бессозн тельной – т к руки ср зу узн ют кл виши, плечи – волны – бесполезной – все ошибки з ново, к к будто бы никогда не р сшиб лся – и это уже можно проследить в короткой н шей, в короткой В шей жизни: от чего Вы в жизни излечились, чему – н учились? Ни от чего. Ничему. И вся я к В м этому – живой пример».

9 вгуст он уже откровенно предл г ет жить вместе и не р сст в ться. Нед вняя опер ция, молч ние, когд ей к з лось, что его больше нет, з ст вили М рину прочувствов ть всю ценность их отношений. «Н м с в ми эти дни (с получения мною В - шего первого писем , может быть – и с его н пис ния) нужно было бы жить вместе, не р сст в ясь – с утр до вечер и с вечер до утр , – ведь всё р вно, к к эти простр нств между – н зываются! Никогд никто к В м т к всем существом не шёл, к к я сейч с. Т к только море идёт – всем собой. (Прилив.) В ше письмо (последнее) лежит у меня во Втором Ф усте: спит в нём, обнятое гётевским восьмидесятилетием – и всю игру тех Нереид и Н яд. Это В ш дом, Вы в нём живёте. Сколько у В с сейч с домов, кроме бернского: я, моя тетр дь, мой з мок, Второй Ф уст».

А что же он? Его пыл постепенно г снет. Что это? Стр х перед н пором, н помин ющим смерч? Попытк уйти, не р зруш я чу-

жой жизни? Ан толий поним ет – М рин связ н семейными и иными уз ми, дочь уже взросл я б рышня, сыну 11 лет, больной муж. Он не должн брос ть всё р ди того, чтобы, может, н годы приков ть себя к постели неизлечимо больного человек .

Меж тем, любовь к поэту переполняет Цвет еву до кр ев: «Нынче, открыв я дверь в свою з ведомо-пустую комн ту, я н секунду з держ л съ н пороге с мысленным вопросом: – Можно? И удивиться не успев (н свою р ссеянность) понял : он до того з селен В ми, что, если меня в ней нет, то в ней конечно – Вы».

Её письм переполнены восторгом, но сч стье вдруг обор чи- в ется уж сом: в своём новом письме Штейгер ж луется н боль, и Цвет ев тут же ощущ ет боль всем своим существом: «Когд я прочл : боль выносим я, т.е. гл з ми увидел слово боль – у меня всё внутри – от горл до коленных ч шек – физически з дрож - ло, и я ещё удивил съ, к к можно т к неподвижно стоять – и т к дрож ть».

И это ещё один звоночек Штейгеру: если Цвет ев ощутил приступ боли просто прочит в слово «боль» к ково будет ей, решишь они жить вместе? Когд он к ждый день будет видеть его мучения и сопережив ть? Может ли любящий человек позволить любимому т к стр д ть? А М рин уже летит д льше, если он не может добр ться до него, он приедет к ней.

Всё это время, Цвет ев переводит «Бесы» Пушкин н фр н- цузский, в конце вгуст посещ ет Бельгию, где 2 ч с чит ет стихи и отвеч ет н вопросы, ни р зу не присев, не переведа ды- х ния. З это выступление он получ ет 250 фр нков, этих денег должно хв тить любимому для того, чтобы приех ть к ней. Но н это предложение он отвеч ет к тегорическим отк зом, дворянин не может взять денег у женщины, тем более женщины, котор я обяз н з ботиться о своих детях.

«...когд мне нужен вр ч, – я иду к вр чу, когд мне нужны деньги – иду к моим швейц рц м».

В ответ н дост точно резкий тон, которым отвеч ет ей Штейгер, Цвет ев с горечью восклиц ет: «Не прог д йте! Не променяйте первенств н чечевицу бытовой (хотя бы с мой по- хв льной) одумки. Н с с детств учили: деньги – грязь. Не про- мельчите – и себя, и меня, и всей чудесности н шей встречи. Р зве это т к уж ч сто быв ет?».

Последние письм Штейгер приходят н к ртонк х с гербом б ронов Штейгеров. Много ли можно н пис ть н к ртонке? 2-3 предложения. Не этого ждёт от своего рыц ря М рин . Тем не

мене, он уверяет её, что собирается приехать, и знает её и просит забронировать для него комнату.

В последний момент планы рушатся. «Вы отлично сделали, что не приехали, Вы поступили как к умный хороший зверь, который пошёл отлёживаться в берлогу. (Если бы Вы тогда приехали – это было бы удручающе, которого я не мыслю. У меня всегда чувство – что я умру от радости – или от страха.)».

В сентябре вдруг снова появляется надежда встречи, один читательница обещает организовать встречу, он оплатит проезд, но предстоит придётся в столовой для бомжей. Цветев соглашается, но это унижение, лишь бы увидеться. Но тревожит предчувствие, что там её никто по-настоящему не ждёт. Штейгер же переживает очередную депрессию: вместо того, чтобы вести светскую жизнь, общаться с другими поэтами и издателям, он вынужден проводить время в больнице, к коему бытие он сможет предложить дома своего сердца? Кое общество? Его окружают больные, занятые собой и своими недугами. Он здесь никому не нужен, и никто не нужен ему. Жалуется он и на провинциальную его состоянию семью и на бывших его друзей.

К концу лет, должно быть, рыцарь печального образа немного устал от «гигантской шаг большого поэта» и стал писать реже. Кроме того, его письма сделались не столь глубокими и откровенными, как прежде. Непросто любить поэта, это тяжкий труд и подвиг любить поэта, тем более, тем кого великого поэта как Мэрин Цветев, не всякий человек, даже если он и с ним делён делом, но это способен. А может быть, просто болезнь отступил, мощная энергия любящей женщины на кое-то время сумел отодвинуть даже смерть. И что же поэт? Он перестал думать и писать о смерти, временно превратившись в среднего обыкновенного человека, которому уже не было нужно столь мощная, всё побеждающая страсть.

«Если бы можно было запустить руку в душу – как в море. ... Не удивляйтесь. Если распределить всё это по годам нашего незнания (с нашего рождения или даже с того часа, когда Вы впервые подошли ко мне на одном из моих чтений) – вышло бы вполне нормально, сейчас Вы всё это получаете сразу – только не пугайтесь и не подломитесь и не усомнитесь. Сколько спасибо бы я Вам выражала, если бы мы были вместе!»

Получая полгода вежливые отписки, Цветев сделал единственный вывод: «Вам было плохо, и Вам показалось, что Вас все забыли, Вы меня окликнули – словами последнего отчаяния и доверия – я отозвался всей собой – Вы выздоровели и меня не плевали – простите за грубое слово, это так называется. Друг, я

В с любил к к лирический поэт и к к м ть. И ещё к к – объяснить невозможно. Д ю В м это чёрным по белому к к вещественное док з тельство, чтобы Вы в свой смертный ч с не могли бросить Богу: – Я пришёл в твой мир и в нём меня никто не полюбил».

“К кое сч стье, что Вы не отложили отсылки стихов, хотя бы н один день. Я бы их тогд , н верное, не получил. – Пишет А. Штейберг Цвет евой. – Мне т кие стихи... Впрочем, все В ши письм были к к эти стихи. Вчер шнее В ше письмо... Д , Вы можете быть, если з хотите – «ледянее звезды». Я всегд этого боялся, (всегд зн л эту В шу способность) – и поэтому в первом же моём письме н 16 стр ниц х – пост р лся В м ск з ть о себе всё, ничем не приукр шив ясь, чтобы Вы ср зу зн ли, с кем имеете дело и чтобы В с изб вить от иллюзии и в будущем – от боли. Я предупред л В с, М рин , (в этом письме, пр вд , было ск з но всё – и о «Монп рн се» и д же о milieu⁷) – и в последующих всех письм х я всегд н ст ив лн том же с мом.

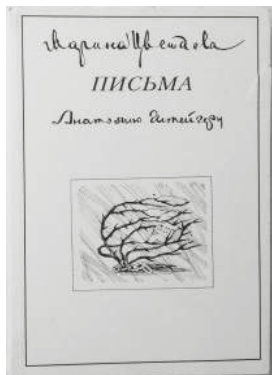
Между моим этим письмом н 16 стр ниц х и моим письмом последним – нет ник кой р зницы. Ни в тоне, ни в содерж нии, ни в искренности, – ник кой. Но з то, к к я р зниц в В ших ответ х н эти письм ... После первого Вы н зыв ли меня сыном, – после последнего Вы «ост вляете меня в моём ничтожестве». Объясняю это себе тем, что в моих письм х Вы чит ли лишь то, что хотели чит ть. Вы т к сильны и бог ты, что людей, которых Вы встреч ете, Вы пересозд ёте для себя по-своему, когд их подлинное, н стоящее всё же прорыв ется, – Вы пор ж етесь ничтожеству тех, н ком только что леж л В ш отблеск, – потому что он больше н них не лежит. Вы совершенно пр вы, конечно. Вы «визионер». Но к ково тем, кого Вы «увидите», н смотрите и потом – перест ёте видеть”. То есть, он говорит о том, что Цвет ев придум л его и всё время общ л сь с призр ком любимого, но не с ре льным человеком. “Меня Вы не полюбили, по-русски «пож лели», з мои болезни, одиночество, – хотя я и отбив лся всё время и уверял В с, что мои немощи физические, – для меня второстепенное, что я жду от В с помощи не от них, от совсем другой и почти неизлечимой болезни. Потому что, когд мне нужен вр ч, – я иду к вр чу, когд мне нужны деньги – иду к моим швейц рц м, – к В м же я шёл, н деаясь получить от В с то, что ни вр чи, ни швейц рцы мне д ть не в состоянии. Вы же в ответ: – Д , Вы больше, чем я дум л , – и ср зу: – «холоднее звезды». М рин , помните, к к в одном из моих писем из Берн , я пис л, что, боюсь причинить В м боль, но боюсь т кже и боли, которую причинить мне можете Вы.

⁷ Milieu – сред , фр.

Потому что до «встречи» с Вами я, — не слов, — больше уже ни и что не и дейлся и не хотел и деяться. Вы обеща ли мне, что Вы мне никогда боли не сделаете, — не обвиняю Вас, что Вы не сдержали своего обещания: Вы, ведь, это обеща ли мне вообще жённому, не только кому, к кому я есть. (...) Но этот спор бесполезен, я не хочу спорить с Вами, выискивая аргументы, чуть ли не «полемизировать», — Вы меня благодарите з лето, я благодарю Вас з чудо.

Любящий Вас и благодарный

А.Ш.”

Имея постоянные проблемы со здоровьем, Штейгер не принимал участие в военных действиях во время Второй мировой войны. Он сочинял антицистские памфлеты, но мольчик из рыцарского рода с мотком никогда не прикоснулся к оружию. В 1941 году Цветев покончил с собой в Елбуге, её тайный возлюбленный продолжил жить ещё три долгих года, когда болезнь, наконец, взяла своё, и он скончался.

В 1950 году, уже после его смерти, в свет вышли итоговый сборник «Дважды два четыре» и в 1981 г. — полное собрание стихов в Нью-Йорке. Но все эти сборники были лишь слепой тенью того чуда, произошедшего с ним летом 1936 года. Что же до портрета Анатолия Штейгера, то образ, созданный Мариной Цветевой видится мне более интересным и совершенным, нежели Штейгер, к которому он был не совсем деле. Воистину, как тот живёт в глазах любящего.

Санкт-Петербург

Николай Блохин

«Вот это я тебе, Взамен могильных роз»

Опубликована в журнале «На русских просторах» № 3 (38)
за 2019 год стр. 232–242.

Елена Коробкина

«Севастопольский миф исхода в кольцевом творчестве
Николая Туроверова и Гайто Газданова»

Опубликована в журнале «На русских просторах» № 4(39)
за 2019 год, стр. 226–235.